

УДК 541:339.9.330.101

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.2.22-37>

Как цитировать статью: Неклесса А. И. Культиваторы будущего // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 2. С. 22–37.

А. И. НЕКЛЕССА¹

¹ *Лаборатория «Север – Юг», Институт Африки Российской академии наук, г. Москва, Россия*

КУЛЬТИВАТОРЫ БУДУЩЕГО

Цель: анализ зависимости миростроительства (ойко-номики) от становления европейского мировидения, осмысление роли элит и социальной ментальности в мироустроительном процессе и применительно к становлению российской действительности, ее актуальному состоянию.

Методы: комплексный подход к анализу определил реестр конкретных методов исследования: системный и ценностный анализ с позиций геоэкономики, геокультуры и геоантропологии, герменевтическая компаративистика, философское рассуждение.

Результаты: отмечена роль геоэкономики как актуального концепта для анализа мировых процессов и российской действительности; обоснована критическая роль элиты и систем знания в генезисе сложноорганизованного общества; обозначены особенности мироустроительной практики в католической, протестантской, православной ментальности.

Научная новизна: в статье рассмотрена специфика российской судьбы как континентального геоэкономического пространства, вводится в научный оборот понятие геоантропологии для определения роли антропологического фактора в сумме процессов и ситуаций, возникающих при распределении и перераспределении человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик.

Практическая значимость: основные положения и выводы исследования актуальны для научно-исследовательской и педагогической работы, а также для развития методологии социально-гуманитарных наук. Представляет интерес при рассмотрении перспектив развития России в сложных обстоятельствах XXI века.

Ключевые слова: экономическая теория; геоэкономика; миростроительство; мироустроительство; элита

Культура – культивация дикого поля и выкорчевывание плевел в ожидании баснословного урожая. Образование личности – изживание тоски по изначальному образу, формирование из податливой телесности и подражательного ума подобия совершенного существа. Эволюция человека – обоснование, содержание и квинтэссенция истории, но совокупная судьба – длинная, извилистая дорога. История – *rite of passage*, деятельное воплощение метаморфоз сознания, темпоральная архитектура, в фундаменте которой сумма страстей и версий мировидения. Это промежуточный итог восполнения истинной природы: конфликт себялюбивой замкнутости, сохраняющей прошлое, и стремительной экзистенции открытой души.

I. ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ: ИСТОРИЯ КАК ШАНС

Порок достигается легко,
а овладеть *арете* трудно.

Гесиод

Преодоление прошлого ведет к обретению настоящего

История – лечебница и лестница: маршрут становления идеала (апокатастасис¹) и одновременно развилки, тупики действительного пути. Дистилляция

¹ Апокатастасис (др.-греч. ἀποκατάστασις – «возвращение», напр. возвращение корабля в родную гавань) – богословское понятие, означающее возвращение в изначальный образ, обновление, восстановление всего.

истории – перманентный выбор, корректировка стези, будущее – своеобразная ее эскалация: стремление обрести то, что искупает потраченную жизнь, без подобного результата время лишь мера разрушения, суетливый прислужник смерти. Мученики пути – проводники караванов, в засушливые годы раздающие собранную на стоянках мзду и указующие маршрут в непогоду. Сама возможность будущего – проявление некоего дивного дара и деятельного выбора. Истоки времени скрыты в человеческом прошлом: свойственное людям влечение к незримым землям, отысканию и заселению их, географическая экспансия и оргазм неведомого – следствие фантомов и фрагментов памяти об ином положении вещей. Устремленность к утраченному подобна тоске корабля о родной гавани: чувство, которое определяет извилистый маршрут истории как «время человеков», столь не схожее с монотонным «временем космоса».

Время, восполняя утраты, сопротивляется возвращению человека в отчий дом. История не онтологична, она манифестация совокупных усилий: функция и отчасти фикция, но ее не переписывают, а правят. Альтернатива обретению – омертвление жизни и оскудение духа, водоворот бессмысленных часов, вкус архаики, укутанной пергаментом бесконечных, словно лента Мебиуса, хроник, – это распад времен, имплозия истории.

Будущее – комплексная категория, постигаемая, трактуемая и прочитываемая несхожим образом, феномен с различными траекториями воплощения. В своей основе это свободно избранная асценденция: прерывание инерции быта, целенаправленная терапия, стремление к преодолению энтропии и стагнации, перебарывание себя и обстоятельств. Будущее где-то рядом, его ростки вокруг, семена – внутри, оно обретается предельным напряжением: «Мы будем сражаться на холмах». Человеческая жизнь – будущее, прорастающее сквозь настоящее. Время в подобных обстоятельствах воспринимается как эликсир.

История – это также персональный проект

Элита – доверенные лица истории, промышляющие и воплощающие ее, проводники и созидатели будущего, но, конечно, такая точка зрения – субъективная констатация. Определения элиты страдают отсутствием универсальной верификации, в регистрируемых дефинициях царят разброд и эклектика.

Толкования противоречивы: социобиологическое, меритократическое, альтиметрическое, аксиологическое неравенство людей. Само определение феномена избранничества как элиты страдает снобизмом и отдает животной телесностью.

Талант есть дар свободы: невечерний свет, нечаянная радость, но если не используется либо используется уродливо, он утрачивается. У разных даров свои маршруты. У духовных – лестница, у интеллекта – образование, характер сопряжен с благородством, богатство – с состоятельностью. Герои способны преодолевать препоны земных ограничений, усмирять суггестию деспотизма, пренебрегая инстинктом самосохранения и отстранив стражей аутопоэзиса. Порою их жизнь венчает явное либо скрытое мученичество, одиночество на пиру, но так обретаются путеводные звезды. Кризис мировидения – сумма накапливающихся персональных неурядиц. Субъект является таковым посредством объекта, т. е. проявляется в творческом акте и ради результата – *со-бытия* отца и сына, господина и слуги. В очередной раз конвертируя транзит в повседневность, мы покидаем виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому подлинный (*virtus*) мир, где настоящее сожигательствует с представляемым, сущее с должным, возможное с действительным, а траектория жизни в заметно большей степени зависит от усилий человека и избранной им позиции [1].

Цивилизация как совместное предприятие

История – путь к исцелению и преображению. Основное действие элиты – производство будущего. Фундамент современной цивилизации, культуры, системы знания закладывался в Афинах и Иерусалиме, наделив людей пониманием личности, придав смысл истории.

В Древней Греции элитарность толковалась как аристократизм, т. е. персонификация *арете* (ἀρετή) в единении с *энтелехией* (ἐντελέχεια) и профетизмом. *Аристо* (ἄριστος) – это капитализация сакрального и чувствительность к символическому; добродетель, доблесть, достоинство и – перфект. Человек качества рожден на все времена, он субъект, а не сумма влияний. Ему свойственны умение развязывать узлы, опознавать смыслы, быть пророком и арбитром вкуса; а так как он «различает жизнь и реальность, то соприкасается с мудростью, владеет словом и искусством задавания вопросов. Цель жизни для него не счастье,

но поиск высокого смысла и разного вида балансов» (Валентин Куклев).

Весьма различны понимание и цена печати/клейма избранности в несхожие зоны. Тема соприсутствия версий сверхчеловека в человеческом космосе жила в сознании людей Древнего мира и Античности, пронизывая мифологические сюжеты, будь то нефилимы, рефаимы в ближневосточных текстах либо герои-полубоги древнегреческих сказаний. Элитная траектория в Элладе – органичная трагедийность в глубинах изгойного естества, а на поверхности – катавасия прихотливостей: смех обыденности, порожденный страхом перед чужой или своей судьбой («над кем...»).

С точки зрения мироустроительного действия того времени – *праксис* (πρᾶξις) и знания как житейского опыта, благоразумия – *фронесис* (φρόνησις), выдающийся человек, в том числе политик, правитель, подвергается искушению дерзостью, сейчас мы назвали бы это амбицией, эллины же определяли как *гибрис* (ἴβρις). Что вело к сужению кругозора – *ата* (ἀτή), совершению трагической, фатальной ошибки – *гамартия* (ἄμαρτία), отсроченному, но неизбежному моменту опознания истины – *анагноризис* (ἀναγνώρισις) с осознанием вскрывшейся ситуации и реального положения, сопровождающегося обрушивающимися переменами – *перипетией* (περιπέτεια – «превращение действий в их противоположность»). Иначе говоря, запускалась роковая последовательность событий – *ананке* (ἀνάγκη), приводящих в конечном счете и властителя (как человека), и управляемое им общество к *катастрофе* (καταστροφή): персональному возмездию и угрозе общего распада – *немесис* (νέμεσις). В неотвратимости данной механики проявлялась тяготевающая над человечеством божественная предопределенность – *диосаиса* (Διός αἴσα) или неизбежность судьбы – *мойра* (μοῖρα).

Свободный человек мыслился источником антропологического идеала мироустройства – его микрокосмом. Божественные и человеческие качества соединялись в свободной, образованной личности, имевшей для этого некие изначальные предпосылки, образуя в случае успеха *калокагатию* (καλοκαγαθία) как обретение внешней и внутренней соразмерности, красоты физической и нравственной. Процесс *пайдеи* (παιδεία) как становления, образования личности, обретения освобождающего знания, т. е. синтеза обучения, воспитания, развития, был смыслом

и целью жизни. Свободный, образованный гражданин противопоставлялся невежественному рабу (варвару), чьим уделом являлся физический план жизни, физический труд. Знание свободных людей – это благородное постижение умозрительной *теории* и ритмов общественной *практики*. Эталон, высший образец свободного человека – философ. Уделом же необразованного, несвободного являлась материальная отягощенность, погружение в земные обстоятельства, физическую деятельность и, соответственно, низший род знания – *технэ*, т. е. искусство как знание приемов ремесла (мастерство).

Образованный человек не просто грамотный, знающий индивид: «многознание уму не научает» (Гераклит), но «образовавшийся», нашедший и прошедший полный цикл обучения (ἐγκύκλιος παιδεία), т. е. изменившийся, проснувшийся, обретший себя, переживший второе рождение, уникальный (ср. рассуждение о вероятном содержании третьей части эпоса Гомера про искушение – крестный путь Одиссея – паломничество со странным «веслом» на спине). Образование/воспитание предполагало в качестве основы обладание тремя свойствами-умениями: «хорошо мыслить, хорошо говорить, хорошо действовать» (Демокрит). При этом древнегреческая система в перфекте формирует не профессионала, а личность. Для свободного человека главной целью мыслилось не освоение инструментария для карьеры, но полноценное развитие, т. е. именно «лепка» себя: самосозидание.

Вспомним историю о предельном мастерстве скульптора Пигмалиона и ответе богов – трансмутацию анимы-Галатеи. Сравним с воспитательными созвучиями и выразительными разночтениями историй Пиноккио и Буратино – различие апофеозов их, казалось бы, столь схожих судеб (и подспудно прописанных кодах практики): путь изживания неотесанности, трансмутацию в человека одного и сладость победы-мести вкупе с обретением земного предприятия другим. Более того, апофеоз виктории двусмыслен – нисхождение в отмеченную знаком молнии сокровищницу: подземную и театрализованную, т. е. иллюзорную и прелестную, «рай для кукол». Ощутимы та трагедийность и тот грех, за который актеров долгое время хоронили вне церковной ограды – проклятье профессионального лицедейства, чреватого вечной игрой, несмыслимой маской, т. е. утратой подлинного лица.

Промышление знания

В Элладе впервые было совершено *промышление знания*, реализован категориальный (философский) подход [2]. Вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий: «руль», «рулевой» превратились в искусство управления – *κ(ε)ιβερνῆ/κυβερνητική*, крепежная скоба мачты – в *(ε)αρμονию/ἁρμονία* как эстетическую категорию и т. п. В последовательном восхождении ума образовались два облака знания – традиционное и философское. Внутренняя же организация зависела от регистра исследования: *бытие/состояние – человечество/изменение – изделия/опыт*.

Мистерии древнего круга отразились в театре как анатомии божественной воли и человеческого акта, проекции драмы (δρᾶμα – действие) земного бытия как сопряжения рока с человеческой трансгрессией: экспликация напряженного маршрута души – в трагедии, и каскада ситуаций-трансформаций в комедии. Со временем мистерияльная эмпатическая сопричастность сменилась лицезрением сюжета и заместилась вдумчивой рефлексией.

Первым доменом знания в старом круге, соприкасавшемся с древностью, была религиозно ориентированная рефлексия, т. е. осмысление манифестаций божественной гармонии как сочетания беспредельности и предела, совмещение исчисляемого и неисчислимого. В данный регистр входят: *мифология* – экспликация языка архетипов и вербализация ритуала; *космос* – размышления о совокупности проявлений имеющего границы и бездонного, разверзнутого, т. е. уяснение истоков, соотношений, форм субстанции бытия; *числовая мистика* – универсальный порядок, его аксиомы и теоремы, музыка сфер; *эстетика* – идеальные пропорции, разнообразие гармоник, законы конфигураций и красоты.

В новой системе это пространство *теории* (θεωρία) как исследование мира идей и принципов бытия. Предметами же являлись *метафизика* («первая философия»), *математика*, *физика*, *натурфилософия* (естествознание), *астрономия*.

Второй регистр – размышления о природе рукотворных перемен, о человеческой участи и натуре, людских свойствах и устремлениях, действиях и следствиях, девиациях и ограничениях. В доклассической организации знания это смешение *фронесиса* (φρόνησις – житейская мудрость, обретаемая с возрастом, охватывающая при этом наследуемые традиции) и отчасти *фюсиса*

(φύσις – развивающееся естество, здесь именно в аспекте антропологического развития). Иными словами, знание ритмов жизни и ее ситуаций вкупе с внутренними откровениями, диагностическими ориентациями, категориями правильного и неправильного, добра и зла; *этоса* (ἦθος – регулятивные черты характера) и *пайдеи* (παιδεία – воспитание/образование). Предметные же области: *литургия* (ритуал, т. е. невербальное знание и пути деятельной трансляции), *драма* (δρᾶμα – действие, исполнение), *поэтика* (ποίησις – творение) в ипостасях трагедии и комедии. В новом знании это *практика* (πράξις) – исследование системы деятельностных взаимоотношений в человеческом общении, путях и способах обретения блага. Предметы которой – *этика* (ἠθικόν) и *политика* (πολιτική), включавшая *экономику* (οἰκονομία) и *хрематистику* (χρηματιστική).

Наконец третий ареал очерчивался фронесисом в аспекте сохранения и совершенствования умений. Это способы культивации мира, достижения результата, т. е. все то, что представляет искусство преодоления природных обременений и разрешения коллизий. Данное «поле» культивации умелого знания изначально сопрягалось с древнейшим своим изводом: чтимым земледелием, имевшим сакральные корни.

Истоки земледелия – в сакральном действии: литургии плодов и даров, творимой патриархом при коллективной тризне. Иначе говоря, в погребальных обрядах – жертвоприношениях чтимым покойникам лучших, отборных плодов, обильно возвращаемых затем богатым урожаем элитных сортов (ср. «священная роща»). Утрачивая образ жреца, связующего с миром предков, посредник обретает облик землепашца. И даже более того: возможно, здесь коренятся (по крайней мере, отчасти) истоки не только селекции сортов, *растениеводства*, но также обретения сходящегося на сакральное пастбище и приручаемого богатством урожая стада, т. е. *животноводства*. По мере развития искусности здесь аранжируются в прикладные аппликации обретенные от божественного огня умения свободных людей, творческие знания. Аккумулируются также практические навыки – происходит обобщение опыта механических профессий, которыми могли заниматься и подневольные. А еще *педагогика* (παιδαγωγική): искусство элементарного взращивания человека, его воспитание. Модификация данного ареала в новой структуре получила название *технэ* (τέχνη), или искусство как мастерство.

Эвристическое изобилие

Возможность размышлять о предметах и явлениях независимо от их актуального состояния, рассуждать в условиях, когда доказательность имеет большее значение, нежели утверждение, произвела в умах революцию, навлекая на мыслящее сословие безумие тотального релятивизма, вызвав опьянение потенциями разума, оторванного от бытия, и порождая эвристическое бешенство софистики. Это была иная дерзость, нежели свойские отношения между людьми и богами, характерные для персонажей *Гомера*. Антропологический субъективизм становился руслом и регламентом умственного действия. Его лозунг «влиять, а не определять» намекает на будущие горизонты идеологии и политтехнологий. Выбор заключался в ответе на вопрос: «Что важнее – понять или утвердить?». Скепсис *Сократа* противопоставил смиренную созерцательность умозрительному дерзновению. Мысль о том, что рациональное знание необходимо и возможно именно потому, что ум знает свою ограниченность, имела далеко идущие последствия. По сути, Сократ обосновал разработку инструментария познания (его протезов) и обустройство интеллектуальной инфраструктуры. Следствием круговорота амбиций софистов и разочарований стойков явилась экзистенциальная растерянность киников, распятых меж миром века сего и миром горним (*Диоген*). Тем временем произошло переосмысление разрыва, схизмы между немощью человека и полнотой реальности – былым свойским отношениям с божественной запредельностью положен конец: осваиваемый ареал бытия определен как контур, тень истинного положения вещей (*Платон*). Обретение же когнитивных инструментов вело к формализации мировоззренческой конструкции и, как следствие, – рационализации жизни в виде мироустроительного проекта (политики и стратегии). Обнаружение же истины (познание) становилось технологическим действием, целостным, соразмерным в своей внутренней структуре, но опосредованным (т. е. не непосредственным) и суммарным в поступательной динамике рассуждения. Венцом ментальной инженерии стало значимое непротиворечивое суждение: аргументированное, испытанное дискуссией, признанное конклавом и потому принимаемое как истина (*Аристотель*).

Истина, таким образом, постигалась через полноту знаний (*гнозис*, γνῶσις), понимаемую как синтез авторитетных суждений и выводов (*эпистема*, ἐπιστήμη), а сложность логически неодолимых препон – как комплексность, частично проясняемая по мере прохождения сквозь фильтры аксиом, препятствия теорем, ограничения таких волнорезов, как предикаты и категории, отчасти же как сверкающие мыслимыми гранями бриллианты апорий, которые можно разбить молотом, но нельзя процарапать ментальной субстанцией. Результатом явилась оригинальная для своего времени целостность: умозрительная, непротиворечивая эпистемология: «наука» зона как организованное логикой знание (правда, с пристройкой террариума неразрешимых парадоксов). В свою очередь, подразделяемая на *теорию* (размышления о принципах мироустройства), *практику* (объект рефлексии – социальные явления) и *технологию* (осмысление опыта умений, искусность). Соприкасаясь с миром природы и человеческих потребностей, мощь нового сознания рождала многочисленные производные от союза логики и эмпирики (в диапазоне между *Эвклидом*, *Эратосфеном*, *Архимедом*).

Утверждение мировоззрения, т. е. сопряжение ценностей с формой мышления, происходит не в зоне одинокого существования, но в пространствах общественной практики. Взаимодействие этики и политики формирует консенсус, утверждая нормы общежития. Мировоззрение производит правовой аппарат, который нормирует взаимодействия, превращая их в социальную организацию, что выражается, в частности, в главном номоканоне: писаной или неписаной конституции. Отсюда проистекают следствия, реализуемые в доктринах, концепциях, стратегиях².

Реституция совершенства. Девальвация имен

После сумерек Античности – распада Римской империи – европейский христианский мир преодолевает сумятицу Темных веков, продуцируя зеленую, демографическую, городскую революции. И порож-

² К примеру, в конфуцианской системе общество делилось на благородных и низких, критерием же разделения являлось отношение к моральным заповедям: следование закону и долгу отличало благородного мужа от простолюдина, заботящегося лишь о личной выгоде. Подобное качество давало элите моральное право управлять обществом.

дает затем феномены Ренессанса (Возрождения), Реформации (Преобразования), Просвещения (Просветления), Модернити (Современности), реализовав со временем глобальный статус цивилизации... *Christendom* – династический универсум, франко-германо-нормандская геральдическая сеть, в эпоху Средневековья аристократия организуется как сословие и правящий класс. Искушения господством сопрягаются здесь с возмездием и жертвой, честь отражается в генеалогии и закрепляется в геральдике. Святые и лорды сосуществуют с избранными и проклятыми, героизмом и предательством, изменой и корыстью, молитвой и кровосмешением.

Историко-культурные коды персональной трансмутации предполагают избранничество и аутопоэзис, однако не только монахи и отшельники практикуют деятельное преображение: талант воспринимается как неслучайный дар, образование ведет к эскалации, профессиональное совершенство трактуется как миссия, а личностный сценарий отражает степень дерзновения. Византийская версия христианского мира, став историческим наследием, все же окормляет Европу. Также и трубадуры Прованса и Лангедока транслируют алхимию слова, пройдя сквозь четыре степени *leys d'amors*. Гуманизм рождает *homo virtuoso* – источник и субъект Ренессанса [3]. Император соперничает с папой, гвельфы с гибеллинами... Городская культура постепенно вытесняет феодальные домены и перемалывает сословную организацию.

Особая роль в культурном обустройстве и гражданском становлении принадлежит университетам и университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии). Университет предполагал профессиональное образование в четырех версиях: начальной (доктор философии) и трех схоластических сферах, охватывавших человека, общество и мироположение (доктор медицины, юриспруденции и теологии). Со временем, однако, образование вновь осознается как личностное развитие и познание мироустройства, одним из символов Возрождения становится академия, она же возрождает филологию как ступень горного восхождения и средство преображения естества. Противопоставив себя университету, гуманистическая практика освобождала приверженцев высокого образования от профессионализации как

дидактической функции, утверждая попутно «экспериментальную философию» (европейскую науку) в качестве законодателя – генерального арбитра знания.

Из Флоренции Медичи кровоток истории под стук молотка Лютера перемещается в реформационную Англию. Слияние старой и новой элит рождает новые формы политической организации – от парагосударственности Ост-Индской компании до сообщества Нового Света, учрежденного Мейфлауэрским соглашением: «Обязуемся объединиться в гражданское политическое общество для установления более совершенного порядка <...> и на основании этого составлять, учреждать, создавать по мере необходимости такие справедливые и основанные на всеобщем равенстве законы, ордонансы, постановления, конституции и обязанности, которые будут сочтены наиболее соответствующими и отвечающими интересам всеобщего блага колоний...»³

«Купцы света», излучая розенкрейцерское просвещение и блюдя реформаторские идеалы, выстраивают в Европе невидимый миру храм науки – *Invisible college* как рассредоточенное по городам и весям сообщество пытливых, образованных, талантливых индивидов. Знание осознает себя силой. Политические пертурбации и социальная гравитация перемещают интеллектуалов по национальным квартирам: Академия деи Линчеи, Королевское общество, Академия бессмертных. Институализация гуманитарных, когнитивных центров трансформирует прежний оплот образования – университет в храм науки, соединив обучение с исследованием. Рациональность все более склоняется в сторону технологизации, т. е. эффективной редукции, порождая промышленную и военную лабораторию, наращивая мускулатуру индустриализма, производя «механических людей», предопределив тем самым революцию масс.

Элита индустриального общества – двусмысленная категория. Индустриализм ведет к производству копий, избытию дешевых вещей, массовому обществу, что в свою очередь обесценивает знаковую систему классовых различий: продукты и услуги – от костюма до образования – можно получить со скидкой и по заметно сниженным ценам. Сообщество людей знания

³ Мейфлауэрское соглашение 21 ноября 1620 года. URL: <http://istoria-usa.at.ua/publ/1-1-0-19> (дата обращения: 04.11.2015).

также претерпевает трансформацию: акцент переносится с познания на использование, социальное лидерство переходит от мыслителей к инженерам. Потребность в узкообразованных профессионалах, необходимых для функционирования мировой фабрики, равно как и растущий дискреционный доход трудящихся, взламывает классовые перегородки, обращая прежнюю стратификацию в пеструю социальную мозаику. Многолюдье, пополняемое населением третьего мира, отражается на политической и социальной архитектонике цивилизации. В массовом обществе демократическая система предоставляет шанс многим, эрзац-элита становится лидером масс. Властный субъект преобразуется в картель, регулируемый соперничеством частей (партий): государство обращается в политическую машину – аппарат, обслуживаемый особой стражей: бюрократией или номенклатурой.

Усложнение социальной и технической оболочек цивилизации приводит к постиндустриальному перевороту, революцию масс сменяет восстание элит. Преимущество переходит к самоорганизующимся системам, способным выживать и эффективно действовать в сложных обстоятельствах, вплоть до ситуаций критической неопределенности.

Икономия и экономика. Формулы миростроительства

Глобальная цивилизация, ее фундаментальные институты, декларированные идеалы в значительной мере зиждутся на христианском мировидении. Современные социальные конструкции и антропологические модели в конечном счете были основаны на интерпретациях Откровения о статусе человека и размышлениях о сочетании природ в Богочеловеческой личности, определив тем самым горизонты исторического маршрута и персональных дерзновений. Человеческая практика не вполне очевидным образом содержит в себе два регистра: земной и горний, отсюда дихотомия далеко не всегда совпадающих дольного целеполагания и духовных ориентиров, социального продвижения и личностного роста, разнообразие шкал и параметров успеха. Люди стремятся в целом к конструктивному обустройству бытия, но одновременно с той или иной степенью осознания переживают ценностные конфликты и трансформации.

Земное домостроительство (экономика) реализуется сегодня посредством глобального рыночного механиз-

ма, в основе которого универсальная организующая субстанция – *деньги*. Актуальная домостроительная практика представляет самоорганизующуюся систему, где продуктивность инициатив автоматически получает оценку организационного мастерства в форме финансового успеха как универсального критерия востребованности. Но существует ли – и если да, то какова – универсальная субстанция духовного развития? Христианская модель личности, понимаемой как образ и подобие ее Творца, стремящейся вернуть утраченное совершенство и достичь спасения, содержит ответ на данный вопрос, определяя суть развития как стяжание *благодати*. Результативность данного действия полагается целью человеческой жизни, а соборное, хотя и не универсальное, восстановление – смыслом истории.

Христианское богословие, формулируя коды практики, различным образом определяло гармоничности мирского и душеспасительного строительства. Упрощая проблему, модели прочтений и предпочтений католической, протестантской, православной культур можно попытаться интерпретировать следующим образом. Культурная матрица, связанная с католическим мировидением, демонстрирует стремление к гармоничному сопряжению мирской практики и горних идеалов, отсюда серьезное внимание к солидаризму и благотворительности. Мир видится как сочетание двух пространств: созидание в русле истории цивилизации любви⁴ и работа по спасению души⁵. Протестантская модель, предполагая предопределенность в отношении спасения, переносит акцент практики с нищенствования Духа на реализацию талантов, выявляя, проявляя и подтверждая статус посредством плодов и успеха

⁴ «...цивилизация любви восторжествует над горячкой беспощадных социальных битв и даст миру столь ожидаемое преобразование человечества, окончательно христианского» (из речи папы Павла VI на закрытии первой сессии II Ватиканского собора 25 декабря 1975 г.) [4, с. 45–46].

⁵ Идеал прописывался следующим образом: при обязанности труда и трудолюбия (*industria*) подчеркивалось различие в добывании необходимого (*necessitas*) и избыточного (*superbia*) с соответствующей моральной оценкой, т. е. стремление к наживе оценивалось как позор (*turpitudō*) и даже сама деятельность профессионального торговца как едва ли угодная Богу (*Deo placere vix potest*). Уродливым же, но ярким примером ментальной матрицы, допускающей гибридизацию двух планов бытия, служит отвергнутая практика продаж индульгенций – попытка сочетать энергии финансов и благодати, т. е. сопрячь мир дольний и горний в единый континуум.

(не обязательно материального). Сложнее всего сочетание двух пластов бытия проявляется в православной, апофатической культуре: здесь земная практика, по сути, проявление обстоятельств, своего рода вешки и препоны внутреннего маршрута. Смысл земного бытия состоит в преодолении мирского предела – т. е. действия, убедительно реализуемого лишь немногими, в небрежении миром и напряженном, умном делании, имеющем целью опознание, контакт и обретение Божественных энергий, позволяющих трансмутировать личность. Подобное пренебрежение земным обустройством как таковым обладает катастрофным потенциалом, проявляясь в уплощенном, искаженном виде в ментальности, повседневном поведении, кодах социальной практики, сказываясь подчас на земных конструкциях деструктивным образом. Существует ли еще какой-то модус человеческой практики, могущий быть опознанным и истолкованным с позиций христианского мировидения? По-видимому, да. Это движение в направлении, противоположном спасению, сознательное ухудшение антропологических обстоятельств в тиранических манифестациях и утопической мифологии, личных и общественных. Иначе говоря, замена трудностей восхождения пестованием земных и инфернальных страстей («не очищение, а приращение, не умаление, но приложение»). В результате происходит рост (утяжеление) индивида в собственных глазах и в иллюзорном представлении – сепаратном от реальности мире: субъект осознанно прорастает в опрокинутых (*пре-исподних*) измерениях. Амбивалентность современного понимания элиты, выстроенного с позиций внешнего секулярного наблюдателя, не различает религиозные источники и метафизические координаты манифестаций личности. Однако и прагматичное миростроительство предполагает наличие определенных идеалов.

Кризис современности. Преадаптация

Кризис ментальности Нового времени обнажил различия в понимании цели и стратегии человеческой жизни. Конфликт индивидуации и социальности, смешение культур и народов, цивилизационные альтернативы – все это и многое другое обозначило рубеж новой эры с формальным (т. е. не отражающим содержание) определением «постсовременность». Чтобы эффективно действовать, нужна модель, адекватная реальности. Интеллектуальные экзерсисы

эпохи перемен, дешифруя коды постсовременного, постсекулярного мироустройства, прогнозируя траектории трансформации, постигая подвижную геометрию разновекторно действующих сообществ и коалиций, рождают оригинальные модели планетарных композиций. Анализ нынешних и планирование грядущих ситуаций в антропологическом универсуме объединяет инновационную практику с социальным и пространственным развитием.

Универсальный подход ранее обозначался как географический, подарив этим дисциплинированным рассуждениям приставку *гео-*. До сих пор применяется такой аналитический инструмент, как геополитика, однако ее толкования отражают скорее историческое прошлое. В прописях масштабного проектирования эстафета переходит от территориально-политических схем (в смысле государственного управления или иной формы властного контроля над территорией) к более результативным деятельным концептам, прежде всего *геоэкономическим*. Тут другая картография, свои способы проектирования при помощи специфических координат, где оперируют проекциями штабной экономики, высоких технологий, промышленной индустрии, природных ресурсов, имеющими географическую привязку. Есть также особое пространство – трансграничная изнанка экономической практики. В лабиринте геоэкономической криптографии деньги, технологии, ресурсы, изделия, услуги, люди (производители/потребители) образуют причудливые комбинации, двигаясь по хозяйственным маршрутам и финансовым траекториям. На сегодняшний день геоэкономическое мировидение лидирует, однако в битве за будущее выигрывает не только тот, кто не живет в прошлом, но в первую очередь тот, кто не ограничивается рамками настоящего.

Мир перманентно обновляется. По мере осознания перемен исследователи опознают и формализуют очередной уровень социальной картографии – действие, с которым связано редко употребляемое слово *преадаптация*. В историческом соревновании лидирует тот, кто осваивает пространства, актуальность которых лишь намечается, видит то, чего не видят другие. Перспективный метод социальных исследований, позволяющий анализировать текущие ситуации и прогнозировать будущие, – *геокультура*. Подобный подход заметно усложняет пространственный дескрипт,

добавляя измерения, фиксирующие иерархию социокультурных сообществ, силу притяжения, метаморфозы динамичной топографии, очертания ядерных ареалов, лимитрофов, зон ценностных конфликтов, определяя культурную идентичность как источник миростроительных практик и элитогенеза. Человеческий космос состоит из множества культур-галактик: мир европейский, китайский, арабский... и в этом же ряду – русский мир. Социокультурная гравитация – энергия культуры как эманации особого мировидения. Ее основа – коллективная идентичность, притягивающая людей и пробуждающая желание быть частью мира, вызывающего симпатию. Сюда устремляются по политическим, экономическим, социальным, культурным, персональным побуждениям – причем последние резоны создают наиболее крепкие узы.

Культурно-политическая интегральность как аксиологически сопряженное, но территориально диверсифицированное сообщество, приобрела актуальность именно в подвижном социуме с быстрым, свободным, массовым перемещением людей и идей. Тема социокультурной конкуренции властно прописалась в мировой повестке. В качестве примера сошлюсь на взрывной рост притягательности исламской культуры, которая сегодня привлекает и конвертирует обитателей иных культурных миров, инкорпорируя их в распределенное по планете множество исламской ойкумены. А моделью для сборки футуристичной архитектуры глобального сообщества может послужить конструкция социальных сетей.

Но ограничивается ли эволюция геостратегических дисциплин тремя данными изводами? Думаю, имеется аспект, который все более важен для опознания ландшафта постсовременности (лично ориентированного мира), – *геоантропология*. Концепт мыслится как связанный с анализом распределения и перераспределения человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик. Ключевой фактор – наличие критической суммы лиц, способных эффективно познавать, управлять, действовать в новом мире. Сложный человек в сложном, диффузном обществе стоит перед новыми вызовами, испытывая в том числе сатанинские амбиции, прочитывая горизонты трансгуманизма (титанизма) как очередной сценарий антропологического империума... Переживаемый переворот, тектоника универсального кризиса, поиск путей его разрешения создают усло-

вия, когда апофатическое мировидение и синергийный тип интеллекта могут прийти на смену привычным кодам сознания и практики, став трамплином цивилизационной динамики.

II. ПАЛИТРА РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В саду растет больше цветов,
нежели посажено садовником.

Испанская пословица

Гуманитарная археология – обращение к подзабытому оригиналу, при реставрации которого важно соблюсти пропорции «золотой легенды», удерживая неочевидный миру рубеж. Изживание травм и гордость за содеянное – стимул и путеводная звезда национальной рефлексии. Применительно к России социокультурный и личностный императив понуждает размышлять о долговременном кризисе российской идентичности. «Где искать тень отцовства, с кого взыскивать долги и в какой мере ожидать исполнения надежд?» – привычка подобным образом осматриваться вокруг, вглядываясь с особым вниманием в европейское зеркало, привилась в России давно, что, впрочем, естественно – ведь христианская цивилизация на русские земли пришла из Европы: византийской и западной. Однако органичной частью Европы этот край так и не стал.

Но тогда что же такое Россия? Негативная диалектика Европы? Или ее псевдоморфозы следует сопрягать с восточными, азиатскими царствами? Геостратегические извилины и развилки психеи значили для русской идеи больше, нежели внятность социальной мысли. Славянофилы, западники, евразийцы размышляли, спорили именно в данном ключе, а сугубо интеллектуальная рефлексия дополнялась художественными интервенциями и мистическими откровениями. В русской душе странным образом уживались два конфликтующих чувства: смирение блудного сына, его тоска по дому и горделивость законного наследника-владельца. Оригинал русской идентичности простым образом дешифровать не удастся, но для раскрытия энигматичного образца есть реперные точки. Невидимый ищет свой образ в зеркалах, потерянный – в лицах, здесь же мнемоническими вешками послужит палитра исторических флагов Российской империи, цивилизационную криптограмму раскрасят пять цветов: белый, синий, красный, желтый и черный.

Страна на краю мира (белый)

«Сотни лет мы шли навстречу вьюгам с юга вдаль, на северо-восток», – в строчках «мечтания о себе» Максимилиана Волошина зафиксированы два существенных тезиса. Во-первых, Россия опознана как страна пути, во-вторых, отмечена экстремальность ее маршрута. Русь, а затем Россия организованы посредством пути – земных путей, речных и сухопутных, и горного транзита. Наиболее известна дорога «из варяг в греки» – основание Киевской державности, но это не единственная русская страна. Был еще и Великий Новгород – крупнейшее по территории государство, торговая республика, Государь Великий Новгород, со стороны Балтийского моря примыкавший к Ганзейскому союзу – разветвленной морской трассе, а по Ледовитому морю – к Гиперборейскому океану, каботажным путем. По суше, образуя «соболиный тракт», земли уходили за Уральский хребет вплоть до «златокипящей» Мангазеи и еще дальше – за Енисей. Северный морской путь делился на морские ходы поморов – Грумаланский, Мангазейский, Ново-земельский, Енисейский. Был еще и «особливый янтарный путь», и «заволоцкий торговый», и транзитное «поволочь», объединявшее реки, поймы, озера, разного рода переправы в сложные торгово-инженерные системы. Посредством поволочья через озерно-речную систему торговая нить протянулась к Поволжью, образуя по Волге – с выходом к Хвалынскому (Каспийскому) морю – Великий серебряный путь к «персам», который влиял не только на российскую историю. В подвижном евразийском пространстве возникали, разрастались ветви и радиации Великого шелкового пути, значительно позднее и уже в ином формате воссозданного как Великий Сибирский тракт – Транс-сибирская магистраль и связанная с нею Закаспийская железная дорога, достигавшая Ферганской долины. Сопряжение пространств торговых операций с военно-трофейной экономикой степи определило слияние в российской широте русской и кочевнической стихий.

Россия – белый снежный стан, страна, северо-восточный вектор которой, достигнутые рубежи обрываются в слабозаселенных землях на Крайнем Севере, где нет иных империй и государств, кроме царства Зимы. Земля вдоль Ледовитого океана, край обитаемого мира. Заселяют же край ватаги купцов и странников – первопроходцы, которые сражаются

не столько со странами и народами, изоцряя военное и дипломатическое искусство, развивая социальные навыки и коммуникации, сколько пребывают в перманентном конфликте, немой борьбе с видимыми и невидимыми стихиями, шаг за шагом формируя тело империи – предельного царства северной Ромеи. «...древняя русская история есть история страны, которая колонизируется», – писал Сергей Соловьев [5]. Климат, география, судьба – бесчувственные враги, основные оппоненты, с которыми ведется непрерывная тяжба. Это удел людей, уходивших из-под ярма, избравших полуночные дороги, тяготы экзистенции, в то время когда другие шли вслед за теплом и солнцем на юг и запад. Особенность выбора континентального безбрежья, перманентное противостояние скорее природе и року, нежели социуму, определили психологический тип и социальный модус. Зима смиряла жар беглой героики, по-своему приучая к лишениям и терпению.

Попробуем реконструировать качества этой динамичной популяции – российской закваски, ее архетип, в основе которого люди-одиночки, трансграничные отряды, рассеянные на огромной территории, сопротивляющиеся обстоятельствам непреодолимой природной силы, где холод, голод, безлюдье пестовали характер. События на западных и южных рубежах страны описаны достаточно подробно, маршрут же «решительного меньшинства» на северо-восток известен скорее в образах, нежели фактах, усвоен метафорически, как не слишком внятная легендарная история мест, где жизнь требует максимальных усилий, ставя в ситуации отчаянного выбора. Где каждый день как последний, и развивается пренебрежение, даже презренье, к обыденности, размеренности. Нет особой разницы между действием и отдыхом, жизнь – «вечный бой, покой нам только снится» – эти энергии пронизывают жизнь и культуру.

Европейские государства окружены другими странами, зажаты высокой плотностью населения, социальные коммуникации интенсивны как внутри, так и вовне страны. Политические конфигурации складываются в договорном и династическом континууме как баланс сил и интересов, где устойчиво перераспределяются владения и полномочия, действует частное и публичное право, а военные действия ведутся в соответствии с законами и правилами. Войны же на российской территории, не разделенной морями на метрополию и колонизируемые зем-

ли, – это либо борьба с природой, либо «гибридные» и беспощадные. Некая аналогия внешней/внутренней «мозаичной» колонизации России прослеживается, но лишь отчасти, с историей Америки, Северной и Южной (ср. оценки процесса российской колонизации Карамзиным), – продвижение «фронтира» (подвижной границы) вглубь континента посредством строительства острогов (фортов), поселений, частно-государственных/казацко-армейских битв с туземцами: сибирью, чукчами, черкесами, другими. И войны с внешними силами, но уж если на своей территории, то с обоюдоострым участием третьей стороны – родной дубины.

Путь к последнему морю (синий)

Своеобразие России вроде бы сформулировал Николай I, и сделал это весьма категорично: «Россия не есть держава земледельческая, промышленная или торговая, Россия есть держава военная...»⁶ Грезы о «последнем море» претворялись в замыслы преодоления евразийской судьбы, или – в мечтах «русского Колумба» Григория Шелихова и «русского Писарро» Александра Баранова – трансформации России во «вселенскую океаническую державу». Эта ветвь исторического древа не принесла плода, лишь намекнув на возможности и горизонты, связанные с освоением Русской Америки (Славороссии) и вод Великого океана, о чем до сих пор напоминают остатки Елизаветинской крепости на Сандвичевых (Гавайских) островах, байки о факториях в Нанкине, рассказы о плаваниях в теплых морях, память об открытии Антарктиды. Здесь важны не географические ориентиры – запад, восток, а специфика государств континентальных и океанических. Географические конфигурации, климатические характеристики играют в судьбах народов существенную роль. Организация политики, экономики, культуры складывается по двум весьма разным лекалам – континентальному и морскому. Геополитическая континентальность – это не столько отсутствие береговой линии, но отсутствие незамерзающих океанических портов,

т. е. ограничение непрерывных транспортных потоков и торговых коммуникаций.

Исторически континентальное общество финансово бедное и скорее сельскохозяйственное (дважды бедное, когда земля и климат для этого не слишком приспособлены), поскольку не может интенсивно развивать промышленность, т. к. сужены экспортные возможности и велики накладные расходы. Кроме того, приходится производить широкий ассортимент изделий для собственного потребления, себестоимость которых конкурентоспособна лишь в данном месте, да и то не всегда. Положение корректировали торговые амортизаторы – таможенные и иные барьеры, замедлявшие, однако, товарообмен с внешним миром. Отсюда финансовые проблемы, тяготение к автаркичной и трофейной экономике, тяжелое положение населения. Общество же океаническое интенсивно развивает производство, поскольку в условиях прямого доступа к мировым коммуникациям и дешевого – к мировым ресурсам (посредством распределенных по миру колоний) может массово производить однотипную продукцию, что ведет к ее удешевлению при высокой скорости оборота.

Россия – страна-континент, которая не имела полноценного выхода к Мировому океану. Береговая линия Ледовитого океана и даже освоение со временем – фактически лишь к концу существования империи – тихоокеанского побережья, не решали задачи, а морских – Балтийского и Черноморского – лишь отчасти. История России – во многом история борьбы за выход к морским, океаническим рубежам. В дальнейшем эти приращения отозвались подспудно накопленной силой антиимперской, антиколониальной революции, развернувшейся в теле метрополии.

Российская модель власти (красный)

Начало российской самодержавной модели было положено на северо-востоке Руси Андреем Боголюбским (закреплено впоследствии Иваном Грозным и Петром I), избавившимся от боярского совета и народного веча, причем боярство-баронство замещалось милостниками (дворовыми служилыми людьми) – аналогом западноевропейских министериалов и прообразом будущего сословия дворян. Другая особенность – отсутствие в России городов как субъектов городского права, носителей коммунальной практики и рассадинок культуры самоуправления (народовла-

⁶ Апокрифическая цитата – фраза, которую русский царь будто бы написал на полях учебника по географии: «Россия не есть держава земледельческая, промышленная или торговая, Россия есть держава военная, и назначение ее – быть грозой остальному миру» [6].

ствия), превращающих подданных в граждан (ср. «Городской воздух делает человека свободным»).

Своего рода скелет в шкафу русской истории – подробности внутренней колонизации и закрепощение населения вплоть до появления в России в XVIII в. института рабства. Действительно, распространенное преимущественно в центральных областях империи «крепостничество» – по сути стыдливое именованье рабовладения, т. е. открытой торговли бесправными и отчужденными от имущества соотечественниками оптом и в розницу с разделением семей, искажавшее природу как рабов, так и хозяев, что отвратительным образом сказывалось на психологии слуг империи. Универсальный патернализм власти затруднял индивидуацию и элитогенез. Население с правовой точки зрения разделялось на сословия, на «русских» и инородцев, православных и инославных/иноверцев, и с фактической – на покорившихся («центральная Россия») и уходивших (например, «сибирский люд» и т. п.). Но если индивидуальное бегство, внешнее и внутреннее (эскапизм), блокировало потенциал развития социума, коллективное абсорбировалось энергиями внешней экспансии.

Россия – это *потоковая социальность*, разведенная обширными пространствами, симбиоз разбойной вольницы с произволением администраций. Общественное развитие сдерживалось лоскутным обитанием, провинциализмом и дискретным характером коммуникаций. Свойством российского бытия являлось парадоксальное смешение и возмущения центробежной (героической/эскапистской) и центростремительной (административной/культурной) энергий, что вело к кризисам и прорывам. Подобный контрапункт, отягощенный пространственной перенасыщенностью, сдерживал культурную, статусную идентификацию территорий, отнимал силы от их обустройства. Скоропись социального текста проявлялась в коллизиях между незавершенной, несовершенной властной оболочкой и разноязыким сообществом. Разноязыким не только в конфессиональном, цивилизационном, этническом отношении, но также социальном, вплоть до языковой автаркии – франкофонии верхов. Ситуация осложнялась дополнительными разделениями во внутреннем круге. Просвещенная часть общества при отсутствии полноценной городской среды испытывала затруднения с самоорганизацией, расходясь не только с народной культурой, но и с ого-

сударственным мироустройством, производя «лишних людей». Ситуация становилась критичной, конфликтогенной, оппозиционной к формам бытия тучного Левиафана. За рамкой рассуждения остается короткий по историческим меркам, но насыщенный событиями советский период, формировавший собственную версию народа – советскую идентичность. Этот импринтинг в национальной психике требует отдельного анализа: модернизация всегда критична для души, но опыт советской реконструкции радикален, что видно и в изменении имени/регалий/замыслов государства, и в насилии над человеческим достоинством, физическом и политическом истреблении общественной инициативы. Это была не только политическая перипетия, но символический и антропологический переворот, когда социальная периферия и колонизированная национальная провинция утвердили себя на месте сгнувшейся метрополии. И, восстановив на время границы наследства, воспроизвели в иной системе координат имперский формат.

Империя как сумма народов (желтый)

Россия расположена на тектоническом разломе христианской цивилизации, культурно-цивилизационном пограничье, на околице нехристианской Азии. Контакты с разнообразием культур и народов, включавшие частью или поголовно эти народы («инородцев») в имперский текст, были чреватые политическими и социальными коллизиями. Тема «желтой опасности» (собирающее название многочисленных и быстрорастущих азиатских народов) начинает активно обсуждаться к концу XIX в., в России же – особенно после масштабной экспансии в Центральную Азию и на Дальний Восток (планы созидания Желтороссии).

XX в. привнес на земли империи центробежную идею политических наций. Начиная с первых десятилетий перемалывались остатки имперской державности, производя национальную государственность. Имперские массивы можно подразделить на сухопутные (Российская, Австро-Венгерская, Османская империи), чьи колонизируемые территории сливались с метрополией («внутренние колонии»). И другой модус – империи морские, обраставшие заморскими, отделенными от метрополии колониями. Они избежали распространения антиколониальной революции на земли метрополии, заметно позже и легче пережили фазу деколонизации. Порою осколки имперской деко-

лонизации настигал особый, «девятый», вал политической бури, они оказывались во власти догоняющих волн деконструкции, кровавых этнонациональных конфликтов, разрушавших на сей раз локальных империалистов. Состоявшееся национальное государство сковывает подобные тенденции, в то время как кризис идентичности вкупе с провинциальными амбициями высвобождает их. Кроме того, ситуации отложенного национального строительства смыкаются с нынешним кризисом мироустройства, приводя в отдельных случаях к локальным обрушениям цивилизации.

Коммунистический эксперимент обновил формулу интеграции с Россией, расширил сферу ее влияния с элементами не только положительной, но и отрицательной дискриминации. Крах эксперимента завершил процесс, предупредив трансгрессию и домино индигенизации. Что же такое нынешняя Российская Федерация – скорректированный временем эрзац-наследник имперскости? Архипелаг Русской Атлантиды? Околица Гога и Магога? Царство Кошечья, хранящее этнографический Грааль? Евразийский композит? «Вещь в себе»? Или прорастающее новым бытием семя? Каковы ее ценностные основания, возможная стратегия, историческая траектория, политическая перспектива? Насколько усвоен опыт прошлых турбулентностей и сколь значима произошедшая коррекция оригинальной идентичности?

Апофатическое мировидение (черный)

Люди, если не ищут идеал в прошлом, все же мыслят о будущем по его лекалам. Подсознательно, да и сознательно «эпоха перемен» воспринимается как транзит сквозь нестроения к новому сбалансированному статусу. Между тем равновесный мировой порядок, возможно, остается в прошлом, и новый статус мира – перманентно подвижное его состояние. Новый мир – это жизнь с коротким циклом обновления, высоким уровнем риска, отсюда заметная роль инициативы в творящейся на глазах вселенной.

Существует два способа освоения бытия: апофатический и катафатический. Речь идет не о богословии, хотя апофатика и катафатика – богословские понятия: постигать Творца и творения посредством определенных или пытаться подобно коже с плода снимать покровы, удерживая суть, и, если удастся удержать, прийти к постижению. Катафатический подход – позитивный, не позитивистский, а именно позитивный,

конструктивный модус, по которому в полемике христианского мировидения с античным наследием строился мир западноевропейской культуры. Однако конструктивность, позитивность эффективны до определенного предела, пока не превышен некий градус сложности. Апофатическая форма богословия более характерна для восточного христианства, в западном она также присутствует, не будем упрощать картину, но речь идет о культуре – подобное мировидение нисходит и растворяется в православной культуре. Неся в себе одновременно дар и угрозу, оно требует предельных усилий, тщательного внутреннего обустройства и особой чистоты человеческих качеств. В противном случае, превращаясь в свою катастрофическую противоположность, привносит вероятность обрушения в прошлое, поднимая из глубин архаичного естества накипь и пену. Но именно апофатичность когерентна сложному миру, радикальным переменам рефлексии, перевороту в методологии познания-действия.

Заселение и культивация территорий экзистенциального риска оказались близки людям, живущим в экстремальных условиях, привыкшим к неустойчивости быта и бытия. Проявляясь в том числе в крайних формах религиозного опыта, сектантстве, богоборчестве, социальном радикализме... Народу пути свойственны психологизация мировидения, способность к длительному напряжению и сверхусилию, неприхотливость, стойкость, выносливость, героизм, жертвенность, смирение, суровость/снисходительность, мечтательность, алогичность, экстаичность, интуиция, подвижничество, неформальность, непредсказуемость, изобретательность, новаторство, ряд иных свойств. Одновременно в русском характере присутствуют стихийность, противоречивость, нерешительность, максимализм как особый перфекционизм, свирепая устремленность к идеалу, тяга к утопиям при малой склонности к планированию, пренебрежение социальностью, правовой нигилизм, тенденция замещать реальность иллюзией, иррационализм, эсхатологизм, профессиональный дилетантизм, невежество, юродство, тоска, лихость, буйство, разгильдяйство, небрежность, неряшливость.

Человек пути субъективно готов к встрече с иным, даже рискуя «гибелью всерьез», соответственно, у русских людей, мира, культуры было свое окно в будущее, стремление воплотить грезы о нем. Экстремальность может стать жизненной прописью, из чего следует

и хлебниковское «степь отпоет», и особый внутренний мир – русская культура психологически многомерна. Для русского гения важен не столько сюжет, сколько вопрошание к себе, судьбе, Творцу, и настоящая интрига может строиться вокруг вопля персонажа: «Кто я, тварь дрожащая или право имею?», а судьба авторов порой сама становится произведением, нередко с трагическим финалом. России при всех пертурбациях была присуща некая культурная преференция, золотой ключик – ее *core competition* (со стигматом катастрофичности): способность к рождению неудобных и поразительных идей, образов, смыслов, мемов, прозрений, хотя не всегда сопровождающаяся их удержанием и развитием, тем более технологизацией. Претерпев страсти прошлого столетия, вскрыв на пороге распадающейся истории головокружительные измерения человеческой природы, Россия могла бы оказаться пророческим, творческим, а не «нефтегазовым» источником планеты людей. Могла бы... Киевский «Синописис» XVII в. так – то ли фантазийно, то ли провидчески – определил значение слова Россия: «Россія від розсіяння свого прозвалися».

Эпилог. Симулякр российской элиты

История – это кладбище аристократии.

Вильфредо Парето

История – перманентное обновление человека и воспроизводство ситуации выбора.

Россия – СССР на пороге 90-х могла стать частью мира, где сложноорганизованная личность и общество являются генераторами развития, однако дефицит самостоятельных, морально мотивированных субъектов оказался слишком велик, а качество правящего класса – низким. В стране тем временем назревал конфликт между стратой, связанной с комплексными системами, преимущественно «инженерными», и все менее компетентной номенклатурой, скованной охранительными инстинктами, но стремившейся снять с себя ограничения, накладываемые официальной идеологией. В каком-то смысле это было столкновением между футуристическими амбициями и бытовым благодеянием правящего сословия при временном консенсусе, достигнутым за счет ресурсов топливно-энергетического комплекса [7]. Правящее сословие в конце концов фактически обменяло общественную динамику на экспансию личных капиталов, предо-

пределив провал второй модернизации России. Если первая, индустриальная, была реализована, хотя и в искаженном, редуцированном виде, то вторая, постиндустриальная, потерпела фиаско. Общество, отринувшее критическую личность, обратив ее в «лишнего человека», т. е. жесткое и слабое, оказалось вне сюжетов эпохи, обходясь их симулякрами и обрекая себя на историческую неудачу.

Стабильность не является статичной величиной, самоподдерживающееся развитие связано с высокой адаптивностью, т. е. внутренней динамикой, перманентной готовностью и способностью к преодолению неожиданных/кризисных ситуаций. Событийные траектории наших дней неизбежно сопряжены с критическими обстоятельствами – более того, совершаемые действия могут вызывать цепную реакцию, затрагивающую не только чувствительные элементы, но ставя под вопрос саму будущность, само существование системы. Стремясь выжить в эпоху перемен, ригидные структуры тиражируют охранительные механизмы, в то время как высокоадаптивные организмы делают ставку на самоорганизацию. На закате существования России-СССР в стране складывалась эклектичная генерация людей – прообраз постиндустриального класса. Однако к управлению российской судьбой продвигались и другие группы. Постиндустриальная страга, нащупав пути к рычагам власти, взять ее тем не менее не смогла, сдав позиции другой пассионарной группе, основой деятельности которой стала «трофейная экономика» (*salvage economy*) и распределение/перераспределение природной ренты. Свойственные данной, также эклектичной, группе (спецслужбисты – криминал – комсомольцы) привычка жить вне правового поля, аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования предопределили постиндустриальную контрреволюцию и обширную профанацию идеалов. Кадровая ротация (попытка кадрового и управленческого апгрейда) была вроде бы проведена, но в атмосфере морального и правового декаданса структуры власти приватизировались, в стране нарастала социальная апатия, общество деградировало: главными ценностями становятся денежный доход и авторитетная чиновничья позиция.

Новое правящее сословие не сумело совершить ни постиндустриальную (требующую соответствующего интеллекта, темперамента и напряжения), ни управленческую (менее амбициозный замысел) револю-

цию. Как и прежде, советское, оно не стремилось развивать общественную организацию, стимулировать гражданские инициативы, т. к. подобные действия ведут к конкуренции возможностей, усложнению и подвижности социального текста. То же относится к политической практике и публичной коммуникации. Очередной, на этот раз постсоветский, кризис управления был заложен практически сразу же – в начале 90-х, когда страх перед вызовами сложного общества, инстинктивная тяга к простой и обманчиво эффективной властной вертикали привели к уничтожению двоевластия (третья, судебная, ветвь ни тогда, ни впоследствии в стране не сформировалась). В результате были уничтожены сдерживавшие волюнтаризм механизмы, что предопределило каскад негативных событий: войну с Чечней, залоговые аукционы, олигархизацию, фальсификацию выборов, институт преемничества, несменяемость власти и ее моральную катастрофу. Симптоматично, что генезис России – РФ, в отличие от других метаморфоз русской истории, не получил культурной верификации: дыхание творческого гения ее не коснулось. Историческая вина квазиэлиты – *казнь энтузиазма эпохи*. Был погашен порыв освобождения, а это была уникальная возможность, но слабых и поврежденных в стране оказалось много больше, нежели граждан и творцов. Будущее, изъятое из обращения, было растрачено, культурное наследие истощилось, стрелки на часах российской истории замедлили ход и, вздрогнув, провисли, указав на плотную приблизившийся исход. ...Философский

пароход так и не вернулся в родную гавань, превратившись в океанский лайнер, исчезающий в лучах заходящего солнца.

Список литературы

1. Неклесса А. И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 85–110.
2. Неклесса А. И. Прыжок лягушки. Кризис мировидения // Синла/Интелрос. 2013. № 1 (18) / Научный совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, 2013. 44 с.
3. Неклесса А. И. Кризис будущего. Наследие исихазма в постсовременном мире // Синла/Интелрос. 2013. № 2 (19) / Научный совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. М.: Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации, 2013. 36 с.
4. Лобье П. Время конца времен: эссе на тему христианской эсхатологии. Минск, 1995. С. 45–46.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 4. М.: Голос, 1993. С. 723.
6. Николай I. Мое самодержавное служение. Дневники, письма, документы. Свидетельства современников. М.: Эксмо, 2014. URL: http://fictionbook.ru/author/nikolayi_i/moe_samoderjavnnoe_slujenie/read_online.html?page=1 (дата обращения: 10.02.16).
7. Неклесса А. Номенклатурната държава: нейният възход и падение // Философски алтернативи. Philosophical alternatives. Писание на Института за изследване на обществата и знанието при БАН. 2008. Vol. XX, № 5–6. София. С. 29–41.

Дата поступления 29.02.16

Дата принятия в печать 20.04.16

© Неклесса А. И., 2016. Впервые опубликовано в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; лицензия Татарского образовательного центра «Таглитмат». Статья находится в открытом доступе и распространяется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), позволяющей неограниченно использовать, распространять и воспроизводить материал на любом носителе при условии, что оригинальная работа, впервые опубликованная в журнале «Актуальные проблемы экономики и права», процитирована с соблюдением правил цитирования. При цитировании должна быть включена полная библиографическая информация, ссылка на первоначальную публикацию на <http://apel.ieml.ru>, а также информация об авторском праве и лицензии.

Информация об авторе

Неклесса Александр Иванович, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заведующий лабораторией «Север – Юг», Институт Африки Российской академии наук

Адрес: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, тел.: + 7 (495) 690-63-85

E-mail: neklessa@intelros.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7943-6856>

A. I. NEKLESSA¹

¹ “North-South” Laboratory, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

CULTIVATORS OF THE FUTURE

Objective: to analyze the dependence of world-building (oico-nomics) on the formation of the European worldview, to comprehend the role of elites and social mentality in the world-building process and in relation to the formation of the Russian reality and its current state.

Methods: an integrated approach to the analysis determined the range of specific research methods: systemic and value analysis from the standpoint of geo-economics, geo-culture and geo-anthropology, hermeneutic comparative analysis, philosophical reasoning.

Results: the paper substantiates the critical role of elites and knowledge systems in the genesis of the complicated organization of the society; the features of world-building practices in Catholic, Protestant, Orthodox mentality are defined; the role of geo-economics as a relevant concept for the analysis of global processes, and Russian reality, is highlighted.

Scientific novelty: the article considers the specifics of Russia's destiny as a continental geo-economic space, introduces into scientific circulation the concept of geoanthropology to determine the role of anthropological factor in the totality of processes and situations that arise in the allocation and reallocation of human resources on the planet with regard to their quality characteristics.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the research are relevant to the scientific research and pedagogical work, as well as for the development of the methodology of the Social Sciences and Humanities. It is of interest when considering the prospects of Russia's development in the challenging circumstances of the 21 century.

Keywords: Economic theory; Geo-economics; World-building; World construction; Elite

References

1. Neklessa, A. I. Okna v budushchee: kul'tura slozhnosti i samoorganizatsii (Windows to the future: culture of complexity and self-organization), *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2015, No. 1, pp. 85–110 (in Russ.).
2. Neklessa, A. I. Pryzhok lyagushki. Krizis mirovideniya (Frog's leap. Crisis of world outlook), *Sinla/Intelros*, 2013, No. 1 (18), Moscow: Komissiya po sotsial'nym i kul'turnym problemam globalizatsii, 2013, 44 p. (in Russ.).
3. Neklessa, A. I. Krizis budushchego. Nasledie isikhazma v postsovremennom mire (Crisis of the future. Hesychasm heritage in post-modern world), *Sinla/Intelros*, 2013, No. 2 (19), Moscow: Komissiya po sotsial'nym i kul'turnym problemam globalizatsii, 2013, 36 p. (in Russ.).
4. Lob'e, P. *Vremya kontsa vremen: esse na temu khristianskoi eskhatologii* (The time of the end of times: essay on Christian eschatology), Minsk, 1995, pp. 45–46 (in Russ.).
5. Solov'ev, S. M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* (History of Russia since ancient time), vol. 4, Moscow: Golos, 1993, p. 723 (in Russ.).
6. Nikolai I. *Moe samoderzhavnoe sluzhenie. Dnevnik, pis'ma, dokumenty. Svidetel'stva sovremennikov* (My autocratic service. Diaries, letters, documents. Evidences of contemporaries), Moscow: Eksmo, 2014, available at: http://fictionbook.ru/author/nikolaiyi_i/moe_samoderjavnoe_sluzhenie/read_online.html?page=1 (access date: 10.02.16) (in Russ.).
7. Neklessa, A. Nomenklaturnata d'rzhava: neiniyatv"zkhod i padenie, *Filosofski alternativi. Philosophical alternatives. Pisanie na Instituta za izsledvane na obshchestvata i znanieto pri BAN*, 2008, vol. XX, No. 5–6, Sofiya, pp. 29–41.

Received 29.02.16

Accepted 20.04.16

© Neklessa A. I., 2016. Originally published in Actual Problems of Economics and Law (<http://apel.ieml.ru>), 15.06.2016; Licensee Tatar Educational Centre “Taglimat”. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>), which permits unrestricted use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work, first published in Actual Problems of Economics and Law, is properly cited. The complete bibliographic information, a link to the original publication on <http://apel.ieml.ru>, as well as this copyright and license information must be included.

Information about the author

Aleksandr I. Neklessa, Head of the Commission on socio-cultural issues of globalization, member of the Bureau of the Academic Council “History of the World Culture” at the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the “North-South” Laboratory, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Address: 30/1 Spiridonovka Str., 123001, Moscow, tel.: +7 (495) 690-63-85

E-mail: neklessa@intelros.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7943-6856>

For citation: Neklessa A. I. Cultivators of the future, *Actual Problems of Economics and Law*, 2016, vol. 10, No. 2, pp. 22–37.